

АМЕЛИЯ БОРН

СОВРЕМЕННЫЙ
ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

(НЕ)ВЕРНЫЙ СЕМЬЯНИН

Амелия Борн
(Не)верный семьянин

«Автор»

2026

Борн А.

(Не)верный семьянин / А. Борн — «Автор», 2026

- Да, Адиль, если тебе так нужно это услышать - я все еще тебя не забыл. И день нашей свадьбы не забыл тоже. Замираю в полушаге от спальни, когда понимаю, с кем именно говорит муж. Адиль - его бывшая невеста. С которой у них не состоялась свадьба, но которую, как я знала, он безмерно любил. - Микель, ну перестань про свадьбу! Тогда не получилось, получится в следующий раз. Я тоже тебя не забыла, мой милый Ты бы знал, как я страдаю Я едва не дышу, ожидая ответа мужа, и он звучит: - Я тоже очень страдаю, Ади Но у меня семья, ты же помнишь Забежала домой на пять минут, а вышла почти убитая - и уничтожил меня муж. Он все еще страдает по бывшей, которая намекает ему на то, что им стоит все же пожениться. Но кто тогда мы с дочкой для Михаила? Я считала, что центр вселенной. А оказалось - лишь атрибут делового человека

Амелия Борн (Не)верный семьянин

- Да, Адиль, если тебе так нужно это услышать - я все еще тебя не забыл. И день нашей свадьбы не забыл тоже.

Замираю в полушаге от спальни, когда понимаю, с кем именно говорит муж.

Адиль - его бывшая невеста. С которой у них не состоялась свадьба, но которую, как я знала, он безмерно любил.

- Микель, ну перестань про свадьбу! Тогда не получилось, получится в следующий раз. Я тоже тебя не забыла, мой милый... Ты бы знал, как я страдаю...

Я едва не дышу, ожидая ответа мужа, и он звучит:

- Я тоже очень страдаю, Ади... Но у меня семья, ты же помнишь...

Забегала домой на пять минут, а вышла почти убитая - и уничтожил меня муж.

Он все еще страдает по бывшей, которая намекает ему на то, что им стоит все же пожениться.

Но кто тогда мы с дочкой для Михаила? Я считала, что центр вселенной.

А оказалось - лишь атрибут делового человека...

Отлучиться от клиники, где мы с Машулей, моей двухлетней дочкой, лежали по настоянию нашего папочки, удалось аж на целых пару часов.

Меня подменила мама, а я, хоть и скрепя сердце, но все же поехала домой.

«Уже просто скатайся, полежи в ванной, надень свой халат и выпей вина», - напутствовала меня родительница. Она знала: мой максимум - это приличный душ, потом забрать любимую Машину игрушку, которую мы умудрились забыть, а она вспомнила. Ну и бегом обратно в клинику. Лежать еще пару дней, чтобы Михаил был спокоен точно - с его малышкой ничего страшного не случилось. Обычная ОРВИ.

Можно было, конечно, попросить Арсентьева привезти плюшевого олененка, которого так хотела видеть Маша, но я решила воспользоваться возможностью и выбраться из больницы.

Какая бы крутая она ни была - это не родной дом. Да и вообще лежать там со вполне себе здоровым ребенком - то еще удовольствие.

Доехав на такси до параллельной улицы, я вышла и решила прогуляться, размять ноги. Наш трехэтажный коттедж был самым примечательным в этом загородном поселке. Из светлого кирпича, монументальный, заметный - он полностью соответствовал владельцу. Моему мужу, который и привел меня сюда три года назад, когда мы только поженились.

Я прошла на территорию, хозяйским глазом оценила фронт предстоящих весенних работ. Конечно, для подобного у нас есть садовник, но я обязательно не только слежу за тем, как он выполняет свои обязанности, но еще и непременно присутствую при самых важных событиях. Обрезка кустов, высадка новых растений... В этот год отдадим предпочтение гладиолусам - на этом настояла мать Михаила.

Зайдя в дом, я улыбнулась - оказывается, Миша дома. А это значило, что у нас есть время побыть наедине, ну вы понимаете, о чем я. Ведь в последнее время мы не очень часто оказывались в постели.

Я сняла кроссовки и, едва ступая, прошла в сторону нашей спальни, откуда и раздавался голос Миши.

Мы заняли комнату внизу, когда родилась Маша, хотя до этого в нашем распоряжении был весь третий этаж. На этом настоял Михаил - так безопаснее для ребенка. Тогда я и поняла окончательно, что для мужа наша дочь - это центр вселенной. И конечно, была просто счастлива это осознавать.

Тем ужаснее были слова, которые я услышала, едва подошла к спальне:

- Да, Адиль, если тебе так нужно это услышать - я все еще тебя не забыл. И день нашей свадьбы не забыл тоже.

Меня будто на месте парализовало, ведь я прекрасно понимала, о чем, вернее, о ком, речь.

Адиль - такое имя, которое нечасто встретишь в своей жизни. Его бывшая невеста, на которой он хотел жениться лет десять назад. И с которой что-то там не получилось, потому они расстались прямо в тот день, когда собирались дойти до алтаря.

Я знала, что Миша очень любил эту женщину. Он не рассказывал - но я не удержалась и прочла статьи, коих было много. Вместе семь лет, она младше на четыре года. Значит, ей сейчас тридцать девять. Влюбились друг в друга, когда Михаил только начал вставать на ноги - ему было двадцать семь, ей - двадцать три. Молодые, вся жизнь впереди... Роман длиною в несколько лет и вот она - свадьба. Которую очень ждали, и которая вдруг сорвалась.

И мой Миша вновь общается с Адиль и, хуже того, говорит ей, что он не забыл?

- Микель, ну перестань про свадьбу! Тогда не получилось, получится в следующий раз. Я тоже тебя не забыла, мой милый... Ты бы знал, как я страдаю...

Голос Адиль был пропитан нотками искренности. Но мне было важно вовсе не то, что скажет она. Я вся превратилась в раскаленный добела нерв, ожидая ответа мужа. И он прозвучал:

- Я тоже очень страдаю, Ади... Но у меня семья, ты же помнишь...

Последние слова - как оправдание, пропитанное горечью из-за того, что есть некая преграда.

Семья.

Я - влюбленная в него до чертиков дурочка, и наша кроха, Машуля.

И он сейчас назвал это досадной помехой, я верно поняла?

Я развернулась и, не помня себя, вышла из дома.

Олененок так и остался там - мне было, мягко говоря, не до него.

Я вышла на крыльцо, спустилась по ступеням и пошла по дорожке к калитке. Ноги сами несли меня прочь, ибо оставаться и дальше там, где пришлось бы сообщить мужу о том, что я все слышала, было невыносимо.

Мне требовалось время на осознание, а в голове билось: «Я тоже очень страдаю, Ади...»

Он страдает по другой, с которой, видимо, у моего мужа есть множество незакрытых гештальтов...

Я вышла на улицу, закрыла калитку за собой. Огляделась невидящим взором - родной поселок, который я так любила, показался каким-то враждебным, как в зловещем фильме про апокалипсис.

Я села в такси и назвала адрес клиники. Водитель что-то спросил про погоду, я кивнула, хотя не слышала ни слова.

Совершенно по-дурацки подумалось о забытой игрушке, наверно, просто мозг пытался переключиться хоть на что-то иное. Маша наверняка о нем вспомнит, а мне придется соврать - скажу, что он не хотел со мной ехать, а она маленькая - поверит. Она вообще верит всему, что ей говорят...

В клинику я вошла через час после того, как ее покинула с желанием посвятить немного времени себе. Теперь вместо этого самого желания была лишь вязкая и противная пустота.

Мама сидела в кресле у Машиной кровати, листала журнал. Когда увидела меня - удивилась:

- Ого! А ты чего так быстро?

Я буквально упала на стул и прикрыла глаза. Как сказать ей все то, что бушевало в душе? Как произнести эти слова и остаться в здравом рассудке?

- Мам, мне нужно тебе кое-что рассказать, - все же выдохнула я и посмотрела на ту, кто меня непременно поймет.

И даст ценный совет - в этом можно не сомневаться. Мама сразу напряглась - она чутко ошущала все то, что со мной происходило на каком-то ментальном уровне.

- Как Машуля? - спросила я невпопад, хотя это совершенно не относилось к делу.

Да и я видела дочь - она мирно посапывала в кровати, видя свои сны, в которых наверняка не было никаких тревог.

- Только что уснула, - мама кивнула на малышку. - Врач заходил, сказал, все хорошо, завтра можно выписываться, но Миша же хочет переждать еще пару дней, для спокойствия...

Она пожала плечами и, впившись в мое лицо глазами, велела:

- Ну же! Рассказывай все! Дома что-то случилось?

Я выдохнула и, не таясь, все же рассказала про услышанный разговор. И про то, как я ретировалась с места чужого преступления, забыв обо всем.

Мама слушала, не перебивая, только крепче сжала журнал в руках. А когда я закончила, она резко выпрямилась и вынесла свой вердикт:

- Не верю!

- Мам...

- Я же сказала - не верю! - повторила она твердо. - Миша - не такой человек. Он тебя любит и в дочке души не чаёт, он тебе цветы каждую неделю возит... Это ошибка какая-то. Ты наверняка все не так поняла.

Это было столь внезапно, ведь я ожидала поддержки или чего-то подобного, что у меня даже рот удивленно приоткрылся.

- Мам, я знаю, что слышала. Он называл ее по имени. Адиль. Разве такое возможно трактовать как-то иначе?

Мама замолчала. Потом резко встала, заходила по палате. Она нервничала, и это состояние передалось и мне.

- Значит так! - решительно проговорила она, приостановившись. - Вы выписываетесь!

- Что? - не поняла я.

- Вы с Машей - срочно едете домой! Нечего вам тут лежать, когда такое творится. Ты должна быть рядом, должна видеть мужа и понять, что происходит на самом деле. А в больнице ты ничего не узнаешь - только себя накручивать будешь.

- Но Михаил хочет, чтобы мы еще пару дней... - попыталась протестовать, понимая, к чему клонит мама.

Пока мы с Машей здесь - у Арсентьева развязаны руки. Ну и не только у него... И не только руки...

- А ты сама чего хочешь? - перебила мама. - Сидеть тут и гадать, что он там делает с этой Адиль? Так я тебе расскажу... Даже если сейчас у них ничего нет, только разговорчики, то уже вот-вот она пойдет в атаку. И ты дашь ей такую возможность, если станешь и дальше находиться вдали от мужа!

Я посмотрела на Машу. Она спала, раскинув ручки, темные волосенки разметались по подушке. Такая маленькая. Такая беззащитная. И я несу за нее полную ответственность...

- Хорошо, - сказала я твердо. - Я попробую договориться.

Поднявшись, потому что мне вдруг захотелось каких-то действий, я стала впадать в состояние ажитации. Не отходя от кассы, направилась прочь из палаты, чтобы найти врача.

И меня ждала удача - я встретила нашего педиатра в коридоре.

- Александр Никитич, можно вас на минуту? - обратилась к нему, и он тут же встревожился:

- Что-то случилось, Марина?

При этом посмотрел настороженно, словно я могла сейчас объявить ему о чем-то страшном:

- Нет-нет, все в порядке, - поспешила я его заверить. - Я по другому вопросу. Понимаете, у нас с Машей обычная ОРВИ, как вы и сказали, ничего страшного. Не могли бы вы нас выписать завтра, а не послезавтра?

Он задумался, а я замерла. Если будет нужно - уйду, написав расписку.

- Состояние у вашей дочери стабильное, теоретически, наверно, можно отпустить вас пораньше. Но ваш муж просил еще пару дней понаблюдать...

- Я сама ему скажу! - тут же заверила я врача. - И буду строго соблюдать все рекомендации, мы вызовем педиатра на дом обязательно! Обещаю. Просто... очень хочется домой. Сил нет тут лежать.

Врач хмыкнул и даже улыбнулся.

- Понимаю вас. Ладно. Завтра с утра посмотрю ее еще раз - и если все хорошо, выпишу.

- Спасибо!

Мне даже не нужно было изображать радость она вышла совершенно настоящей.

- Только можно одну просьбу?

- Какую?

- Мужу моему не говорите, пожалуйста. Я хочу сделать сюрприз. Он будет волноваться, а я сама ему позвоню уже из дома, скажу, что мы в порядке и нас отпустили. Договорились?

Александр Никитич посмотрел на меня со смешинками в глазах, но все же кивнул.

- Ваш сюрприз - ваши дела. Не скажу, обещаю.

Он направился по своим делам, а я вернулась в палату. Мама, увидев меня, вопросительно подняла бровь.

- Завтра, - сказала я на не заданный вопрос - Я договорилась - нас выпишут утром.

Она закивала довольной:

- Молодец. А теперь давай, рассказывай еще раз - слово в слово, что он говорил. Ничего не пропускай. Я все еще не верю!

Я села в кресло, мама устроилась напротив и снова впилась в меня пристальным взглядом. А я взяла в легкие порцию кислорода, потому что в голове зароились мысли:

Завтра я посмотрю в глаза мужу, который страдает по другой. И пойму - кто мы для него на самом деле. Семья - или та самая досадная преграда, через которую он переступит и даже не поморщится?

Утро выдалось хмурым, будто сама природа решила меня поддержать в моем настроении.

Я почти не спала в эту ночь - ворочалась на не слишком удобной больничной кровати, слушала, как Маша дышит ровно и спокойно, и думала.

О том, что скажу, когда увижу Мишу. О том, как посмотрю ему в глаза. Да и смогу ли вообще смотреть в принципе.

Мама приехала рано, с пакетом свежих булочек и термосом кофе, но ни то, ни другое в меня категорически не лезло. Она помогла собрать вещи - детские пижамки, пару моих футболок, книжки, игрушки. Все это быстро утрамбовалось в сумки, а я все ждала, когда зайдет Александр Никитич. Он сдержал слово: пришел, посмотрел Машу, улыбнулся, сказал, что девочка здорова и мы можем ехать домой.

- Только следите за ней внимательно, - добавил он, заполняя бумаги. - Все-таки после болезни иммунитет ослаблен.

Я кивнула, не сосредотачивая внимания на то, что особо болезнью это не назовешь. Обычная ОРВИ, которую Миша раздул до масштабов катастрофы. Он вообще любил раздувать все, что касалось нашей малышки. И порой мелочи превращались в его глазах в самые настоящие проблемы.

Мы вышли из клиники в начале одиннадцатого. Маша сидела у мамы на руках, вертела головой, шурилась, несмотря на унылое серое небо и вдруг спросила:

- Лененок?

Ну вот, вспомнила, как я и думала.

- Олененок ждет тебя дома, - сказала я, стараясь, чтобы голос звучал ровно, хотя я и начала тут же ассоциировать приезд за игрушкой с тем, что услышала от мужа. - Он сказал, что очень-очень соскучился, так что просто лежит и ждет тебя.

Маша нахмурилась, поджала губы, но ничего больше лепетать не стала. А я переключилась мыслями на ее отца. Если он ее предаст... Как объяснить дочке, что любимый папа больше не живет с нами?

Так, хватит! Это глупо - накручивать ситуацию, когда я еще ни в чем не разобралась.

Мы сели в такси. Мама поехала с нами - хотела убедиться, что я не наделаю глупостей.

- Ты главное, не кипятись, - наставляла она по дороге. - Увидишь его - сделай вид, что ничего не случилось, понаблюдай. А уж потом решай, что делать.

- Легко сказать «не кипятись», - буркнула я, глядя в окно.

- А ты потерпи. Ради Маши.

Маши. Вечный аргумент, который закрывает любые споры. Ради Маши я готова терпеть что угодно. Даже если внутри все выворачивается наизнанку.

Но тут надо понимать, что мама у меня - человек старой закалки. Когда казалось, что за брак надо держаться руками и ногами, лишь бы, не дай бог, статистика разводов не пополнилась. Хорошо, что сейчас все иначе...

Мы въехали в поселок, и я почувствовала, как напряжение сковало мое тело. Вот наш дом - монументальный, светлый, привычный. Все как обычно, но в том же время кардинально иначе. Потому что сейчас я войду, и мне придется смотреть на мужа, который вчера признался в том, что страдает по другой женщине.

Мы вышли из такси, мама взяла Машу за руку, я забрала сумки и мы направились к калитке.

И тут я увидела... ее.

Чужую машину - дорогую, темно-вишневую, припаркованную у нашего забора. Такую я лицезрела здесь впервые.

- Чья это? - спросила мама тихо.

- Не знаю, - ответила я, хотя уже догадывалась.

И от этих мыслей внутри у меня все замирало. Неужели он притащил сюда свою Адиль? И это в тот момент, когда его дочь лежала в больнице?

Мы зашли на территорию, поднялись на крыльцо. Я толкнула дверь - она была не заперта.

И когда я прошествовала вперед, чтобы убедиться в своих подозрениях, добравшись до гостиной, увидела ее.

Адиль.

Она стояла вполоборота ко входу, держала в руках бокал игристого и улыбалась.

Я узнала ее сразу, хотя видела только на старых фотографиях в интернете. Высокая, стройная, с темными волосами, уложенными в красивую прическу, в простом, но элегантном платье песочного цвета. Судя по выражению ее лица, она чувствовала себя здесь как дома...

Рядом с ней стоял Миша.

Мой муж.

И он тоже растянул губы в довольной улыбке, которая исчезла в тот момент, когда Арсентьев заметил меня.

Его лицо удивленно вытянулось и на секунду в глазах промелькнул настоящий ужас. Такой, будто его поймали на месте преступления. А потом Михаил быстро взял себя в руки, шагнул мне навстречу:

- Марина? Что ты здесь делаешь?... Вы разве сегодня выписываетесь? Я думал, завтра, да и то под вопросом, - начал он говорить и говорить.

- Сюрприз, - сказала я ледяным тоном, которого сама от себя не ожидала.

Маша, которую мама опустила на пол, прижалась к моей ноге, сама же теща Арсентьева замерла у меня за спиной, не произнося ни слова.

Адиль смотрела на меня - я это чувствовала всем нутром. И не стала скрываться от ее взора - встретила его, вскинув подбородок.

Ее глаза - темные, внимательные, с легким прищуром - скользнули по мне, оглядывая с ног до головы. Словно я была каким-то интересным экспонатом, выставленным в музее.

- Здравствуйте, - сказала бывшая невеста моего мужа с мягким, чуть уловимым акцентом.

- Вы, наверное, Марина? Меня зовут Адиль - Микель много рассказывал про вас.

Я не ответила - попросту было нечего на это говорить. Лишь только взглянула на Мишу, и он начал говорить быстро, словно торопился заполнить паузу:

- Понимаешь, я проезжал мимо, по параллельной улице, и вдруг вижу - у Адиль колесо спустило. Ну, я остановился, помог, а потом предложил зайти, погреться, пока эвакуатор едет... Она же не из местных, одна, мало ли что...

Эта версия наверняка была слеплена на коленке, и Арсентьев понимал это на все сто. Достаточно было выйти и взглянуть на колеса авто, чтобы разбить объяснение в пух и прах.

- Очень галантно, - сказала я, стараясь, чтобы голос не дрожал.

- Марина, ну не дуйся, - он сделал шаг ко мне, протянул руку, будто хотел дотронуться.

- Ничего такого не случилось...

Я отступила. Неосознанно, просто тело среагировало быстрее головы.

- Я уложу Машу, - сказала ему. - Она устала с дороги.

- Мариш, давай я помогу... - начал муж, но я его оборвала:

- Не надо.

И, подхватив дочку на руки, быстро пошла к нашей спальне. Мама, не говоря ни слова, двинулась за мной, прихватив сумки, которые я опустила на пол. Я чувствовала спиной два взгляда. Один - спокойный, изучающий, принадлежащий Адиль. Второй - встревоженный, Михаила.

В спальне я закрыла дверь и прислонилась к ней лбом. Мама не говорила ни слова - видимо, ей хватило увиденного.

Маша капризничала, но я укачала ее, уложила в кроватку. Она быстро уснула - сказались больничные дни и ранний подъем.

- Я думаю, что сейчас она уедет и вам стоит поговорить, - произнесла мама, присаживаясь в кресло возле кроватки, очевидно, чтобы следить за внучкой.

Я была только за, чтобы она осталась. Говорить, конечно, с мужем предпочту наедине, но мне будет спокойнее, если стану знать, что рядом - близкий человек.

- Ага, теперь уже точно он услышит от меня все... - выдавила я из себя и, как только услышала, что хлопнула входная дверь, вышла из спальни.

Предполагала, что увижу, как муж пошел провожать свою драгоценную Адиль, но оказалось, что он в гостиной - стоит и ждет меня возле окна.

- Думаю, нам стоит обсудить кое-что важное, - проговорила, подходя к дивану, на котором и устроилась.

Воздух все еще был пропитан ароматом парфюма его бывшей. Или... настоящей? Я намеревалась получить ответ на этот вопрос. Потому как только Арсентьев опустил напротив, я тут же озадачила его прямо в лоб:

- Вчера я была здесь, когда приезжала из клиники за любимой Машиной игрушкой. И слышала кое-что интересное, Миша... Ты ничего не хочешь мне сказать?

Я ждала, что он начнет выкручиваться. Скажет что-то вроде: «ты не так поняла» или «это был деловой разговор, она просто старая знакомая». Я приготовилась к этому, почти видела, как слова оседают у него на губах, готовые сорваться тотчас. Как он ищет пути отступления, а в голове уже строятся планы в поисках спасительной лазейки.

Но во взгляде мужа вдруг появилось то, чего я никак не ожидала увидеть. А именно - странная, почти пугающая уверенность. Только вот в чем? Я никак не могла взять этого в толк...

«Сейчас начнется, - подумала я, сжимаясь внутренне. - Сейчас он скажет, что я все придумала, что у меня разыгралось воображение, что голос мне почудился».

Я уже подбирала слова для ответа - чтобы разбить его фальшивую броню вдребезги.

Однако Миша посмотрел мне прямо в глаза и сказал:

- Ты права... Я хочу тебе кое-что сказать. Вернее, хочу сказать правду.

У меня перехватило дыхание. Я ждала чего угодно, но не этого. Он скажет... правду?

Арсентьев сделал паузу, будто собирался с мыслями, и продолжил. При этом голос его звучал ровно, но я чувствовала, как ему тяжело дается каждое слово.

- Я встретил Адиль около месяца назад. Случайно, в торговом центре, где мы с тобой не так давно покупали Маше новую кровать. Помнишь? Так вот я поехал за недостающими комплектующими уже после, а ты тогда осталась дома, потому что у нее был насморк. Я зашел в магазин, а она как раз из него выходила, и мы столкнулись буквально нос к носу.

Я слушала и не верила. Он рассказывал это так спокойно, так буднично, будто речь шла о погоде или о плановом совещании. Но я знала - это только внешнее спокойствие, внутри у него наверняка все кипело.

- Мы разговорились, - продолжал Миша. - Сам не знаю, как и зачем. Выпили кофе в кофейне на первом этаже. А потом обменялись номерами телефонов, просто так, на всякий случай. Я думал, что это будет разовая встреча, что мы разойдемся и больше никогда не увидимся. Но она позвонила через три дня. А потом еще и еще и... мы стали созваниваться по видео.

Он замолчал, а я сидела, словно приговоренная, которую уже привели и усадили на электрический стул, но пока не нажали рубильник.

Михаил так спокойно говорил это мне. Своей жене. Матери его ребенка.

- И что? - мой голос был чужим, как будто не я выдавливала из себя слова, а кто-то другой.

- Что вы обсуждаете? Воспоминания? День вашей несостоявшейся свадьбы? Твои страдания?

- Да, - ответил он просто. - И воспоминания. И день свадьбы. И мои страдания. Ты все верно понимаешь, Марина.

Мне так хотелось вскочить и швырнуть в него хоть чем-то, но тело не слушалось. Я сидела как вкопанная, глядя на мужчину, которого считала своей опорой, своим всем, и не узнавала его.

- Марина, - Арсентьев подался вперед, и в его глазах я увидела нечто, что было схоже с мольбой. - Я не понимаю, что со мной происходит. Я словно вернулся в прошлое, в то время, когда мне было двадцать семь, когда я был молод и верил, что вся жизнь впереди. Когда у нас с Адиль было море планов - путешествия, дом, дети... Я знаю, что это безумие. Знаю, что у меня есть ты и Маша. Но я не могу это контролировать. Она вошла ко мне в голову, и я не знаю, как ее оттуда вытащить!

Он говорил, а я слушала, почти не дыша. Каждое его слово врезалось в меня как нож. Не потому, что он врал. А как раз по прямо противоположной причине...

Он не заверял меня, что я ошиблась. Не говорил, что любовь ко мне - единственная и вечная. Он признался в том, что с ним происходит что-то неправильное, но он не может этому противостоять!

И это было ужаснее любой лжи.

Потому что с неправдой можно бороться. Ее можно разоблачить, разбить на куски, выкинуть как ненужный хлам. А с правдой, которая бьет прямо в сердце, что делать? Как убежать от человека, который смотрит тебе в глаза и говорит: «Я сам не свой, я не понимаю, что творю, но я не могу остановиться»?

Я сжала пальцы в кулак так сильно, что ногти впились в ладони.

- И что ты предлагаешь? - спросила шепотом. - Чтобы я ушла и мы с Машей исчезли, а ты наконец получил свою ненаглядную Адиль, раз уж в прошлый раз у вас не сложилось?

Миша резко выпрямился, и его лицо исказилось болью.

- Нет! - он почти выкрикнул это слово. - Я не хочу, чтобы вы уходили. Я хочу... я сам не знаю, чего я хочу. Желаю, чтобы это прекратилось. Остановиться до того, как я перейду грань, но я не знаю, как это сделать!

Я смотрела на него и чувствовала, как внутри все рушится. Наша семья. Наше будущее. Та уверенность, с которой я просыпалась каждое утро рядом с ним - все это превращалось в песок, утекающий сквозь пальцы.

- Ты не знаешь, как это сделать? - переспросила хрипло. - А я, Миша, не знаю этого тем более. Потому что я не думала, что когда-нибудь окажусь в такой ситуации. Я считала, что у нас все хорошо. Я была душой, да?

- Не говори так, - он протянул ко мне руку, но я отпрянула, как от огня.

- Не трогай меня! - прошипела разъяренной кошкой.

Он говорил мне правду, ничего не скрывая, но от этого легче не становилось... Даже напротив.

Вскочив на ноги, я отошла к окну. По ту сторону было все то же серое небо, те же клумбы, в которые скоро воткнут чертовы гладиолусы, тот же поселок, который час назад казался моим, а теперь стал просто декорацией к моей личной катастрофе.

- Что ты хочешь от меня услышать? - спросила я, не оборачиваясь. - Что я даю тебе шанс испробовать жизнь с Адиль и понять, что прошлое не вернуть? Тебе нужно получить мое благословение, Миша? Так оно у тебя есть! Иди к ней и пробуй!

Я обернулась к мужу так резко, что у меня хрустнула шея.

- Иди, потому что я знаю, чем это кончится. Ты все равно возжелаешь с ней попытаться вновь, а когда закроешь этот сраный гештальт, испытаешь разочарование. Только ни меня, ни Маши у тебя уже не будет...

Я увидела, что его лицо исказилось в немом предупреждении, но прежде, чем Арсентьев стал бы говорить мне что-то вроде: ребенок навсегда останется моим, я спросила:

- Кстати, ты так и не рассказывал, почему ваша свадьба не состоялась?

Это действительно было так - он не говорил, а не копала в эту сторону. Но сейчас показалось, что это важно. И по реакции мужа я поняла, что попала точно в цель.

- Она изменила мне с моим охранником, - буркнул он, отведя взгляд.

И я сделала то единственное, что просилось на ум: запрокинула голову и очень громко, пусть и нервно, расхохоталась.

Мой смех утих так же внезапно, как и начался. Я застыла, глядя на мужа, и почувствовала, как по щеке скатилась одна-единственная слеза. Большого я себе не позволила.

- Все, - сказала, отирая щеку тыльной стороной ладони. - Мне все ясно.

Миша сидел в кресле, все такой же напряженный, и я видела, как его пальцы впииваются в подлокотник с такой силой, что побелели суставы. Он смотрел на меня с недоумением, смешанным со страхом. Будто я вдруг стала чужой, незнакомой, непредсказуемой.

- Что именно тебе ясно? - спросил Арсентьев глухо, и в его голосе проскользнула та самая нотка, которую я слышала вчера в разговоре с Адиль.

Но теперь она была обращена ко мне.

Я посмотрела на него долгим взглядом. В моей голове пронеслось столько всего - и его признание, и мой дурацкий смех, и измена Адиль с охранником, и то, как он сейчас сидит передо мной, якобы честный, якобы раскаивающийся, но при этом даже не пытающийся меня заверить хоть в чем-то.

- Узнаешь, - ответила я тихо и развернулась, чтобы уйти.

К комнате, где были Маша и мама я шла неспешно, чувствуя, как взгляд мужа впивается мне в спину. Каждый шаг давался с трудом, колени подгибались, но сейчас показать свою слабость - означало проиграть по всем фронтам. Потому что знала: если сейчас не сосредоточусь - попросту превращусь в кисель. А у меня дочь, которая зависит от моего состояния на все сто. Я не могу себе позволить ничего кроме того, что предполагает лишь стойкость духа.

Я вошла в спальню и прикрыла за собой дверь.

Мама сидела в кресле у Машиной кровати и листала телефон. Увидела меня - сразу отложила его, видимо, прочитав по моему лицу, что дело не ахти...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.